

УЛЬЯНА ГРИНЬ

16+

ДВОРЕЦКИЙ
ДЛЯ ПОПАДАНКИ

Ульяна Гринь

Дворецкий для попаданки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67891428

SelfPub; 2022

Аннотация

Будь проклята та гадина, которая забросила меня в другой мир в тело недавно овдовевшей графини! Потому что инструкцию мне не выдали, а доверять нельзя никому, кроме своей собаки и... дворецкого?

В тексте будут: большой лабрадор; обходительный мужчина; второй обходительный мужчина; мальчик с непростым характером и некоторые семейные тайны, которые попаданке придётся распутать!

Содержание

Глава 1. Я попала!	4
Глава 2. Знакомство с поместьем	18
Глава 3. Найти вора	33
Глава 4. Учю и ищю	50
Глава 5. Убийца дворецкий?	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ульяна Гринь

Дворецкий для попаданки

Глава 1. Я попала!

– Клаус! Клаус, ко мне!

Я всматривалась в кусты, но в их темноте мой чёрный лабрадор просто растворился, как будто его и не было. Ломиться через колючки не хотелось. Поэтому я бегала вокруг, трясла поводком, пищала игрушкой и кричала имя пса на все лады.

Где-то вдалеке залаяла басом крупная собака.

Клаус шуршал в кустах.

Вокруг больше не было никого. Только чёртовы кусты, шум с автодороги вдалеке и высокий женский голос по телефону из открытого окна ближайшей высотки.

– Клаус, – в отчаянье предупредила я. – Если я приду и тебя поймаю, мы тут же пойдём домой, так что лучше выходи сам!

В ответ мой очень хороший мальчик вдруг зарычал.

Страшно, угрожающе!

Клаус никогда в жизни не позволил бы себе рычать. Никогда!

Тут уж я, не раздумывая, бросилась в кусты. Приготовилась бить поводком и швыряться игрушкой. Колючки цара-

пали кожу, но я уже их не чувствовала. Если кто-то напал на мою собаку... Ох я его!

Но за кустами никого не было. Клаус стоял, весь в перламутровом сиянии от огромной, просто гигантской раковины, стоявшей на попа у берёзы. Сзади, после чистого поля, бежала лента дороги. И больше никого.

– Что ты тут нашёл? – спросила я, удивлённая. Раковина была не та, что на кухне для мытья посуды, а двустворчатый моллюск. Ну, их ещё ловцы вытаскивают из моря, чтобы жемчуг найти. Только в этой никакого жемчуга не было. Только перламутровые изнутри створки. И сияние. Ослепляющее... Гипнотизирующее.

На него-то и смотрел Клаус, вытянувшись в струнку и даже лапу переднюю приподняв. Нюхал, нюхал. Я подошла к собаке, хотела прицепить поводок на ошейник, но Клаус отскочил ближе к раковине, чуть помахав хвостом. Всем своим видом собака говорила: не уйду отсюда, пока не обнюхаю это ранее не виданное чудо.

Мне тоже стало интересно. Кто и как сделал такую красоту, зачем притащил сюда, зачем оставил включённой?

Я протянула руку в направлении к раковине, но никакого особого тепла не ощутила. Светодиоды, наверное. Всё сияло так загадочно, так маняще. Вот и Клаус уже на расстоянии одного прыжка. Нет, надо его хватать и бежать домой, а вдруг радиация какая-нибудь?!

– Клаус, а кто хороший мальчик? Кто с мамой домой пой-

дёт? – дрожащим голосом спросила я собаку, которая не обращала на меня никакого внимания. И это само по себе было странным явлением. Клаус всегда бежал ко мне на «хорошего мальчика»!

Нет, это уже ни в какие ворота!

Рассердившись на собаку, я шагнула к нему, решительно держа открытый карабин поводка наизготовку, но, конечно же, споткнулась на кочке. Мячик выскользнул из рук и поскакал по неровной траве, отчаянно пища при каждом ударе о землю. Разумеется, прямо к раковине. Завис перед ней.

И мячик втянуло внутрь!

Клаус не выдержал и прыгнул. Как это – украли его любимый мячик!

Я, матерясь, прыгнула вслед.

А потом нас подхватило, закрутило, как на сумасшедшей карусели, в которой сломанный движок ускоряет верчение до космонавтских нагрузок, и я...

Вцепившись в ошейник Клауса, я завизжала и отключилась.

Сознание возвращалось по частям.

Сначала в черноту мозга приоткрыл дверцу слух. Робко вошёл. Равномерное гудение набата утихло, зато появился отрывистый шум, который я определила как голоса. Сначала это были просто «бу-бу-бу», а потом приблизились, и я различила слова:

– Кого ты притянул?

Женский голос – не слишком приятный. Не люблю, когда человек постоянно кричит, даже если говорит тихо.

Мужской ответил с некоторым почтением, но всё равно резко:

– Кто притянулся, того и взяли. Какая вам разница?

– Это тело... Просто фи! Придётся менять гардероб!

– Лучше поменять гардероб, чем...

– Ах, замолчите! Я плачу вам большие деньги и даже не уверена, что всё получится!

– Вы же видите, пока всё работает.

– Пока! Слушайте, а она нас видит? Слышит?

Нет, не вижу, но слышу. Э, я всё слышу! Что за...

Меня похитили? Вместе с собакой? Зачем?

Твою мать, на органы продадут?!

Я бы заорала, если бы могла. Но тело меня не слушалось. Как будто я существовала вне его – слепая и лишённая осязания. И где Клаус? Что вообще происходит?

Будь я в теле, закатила бы истерику, наверное. А так оставалось просто ждать. Чего-нибудь. Хоть чего.

И это что-то не замедлило случиться.

– В общем, действуйте, – велел женский голос. – Я готова.

– Прекрасно, миледи, – ответил мужской.

Э! Стоп! Я не готова! К чему мы там готовимся? У меня начнут почку вырезать? Я против, слышите?! Я категорически против!

Но кто бы меня послушал, если я даже сказать этого не

могу.

В черноте сознания, или где там я плавала, нечто неуловимо изменилось. То ли разряды электрические, то ли мелкие мошки, которые начали меня кусать. Ну такое... Покусывать. Я бы отмахалась, но не могла. Я вообще ничего не могла – только беспомощно ругаться матом. В голове.

А потом...

Потом меня взорвали.

Нет, сначала я услышала мужской голос, тупо бормотавший что-то на непонятном языке. По плавности и по окончаниям я подумала, что это латынь, но слова были незнакомые. Однако звучало внушительно. То ли молитва, то ли...

Заклинание! Да-да, если бы профессор из самой знаменитой школы магии решил заняться придумыванием новых заклинаний, он говорил бы то же самое! Но бормотание длилось недолго. Меня потрянуло раз, другой, и вдруг...

Вспышка!

Ещё одна!

И последняя.

И с этой последней вспышкой я умерла окончательно, с тоской подумав: я так и не узнаю, что случилось с Клаусом.

Но умереть мне всё же не удалось.

А когда мне везло? Никогда. Ни семьи, ни отличных подруг, с которыми можно распить бутылку вина на кухне, ни мужа с детьми. Ладно, вру. Мне повезло с Клаусом. А ещё говорят, что счастье нельзя купить за деньги...

Сначала ко мне снова вернулся слух. Шум. Деревья шумят. Ветер. Журчит вода. Какая вода, должна быть дорога! Мы же с Клаусом возле дороги гуляли...

Потом вернулось осязание, а с ним и мышечная сила. Лицо что-то щекотало, и я рукой попробовала отмахнуться. Не получилось. Открыв глаза, я увидела, что лежу в траве. И трава эта как раз щекочет.

Зато зрение вернулось!

И я разглядела травку. Не пырей, в котором любят селиться клещи! Газон! Настоящий газон с клумбами. А на клумбах – роскошные цветы! А над цветами жужжат пчёлы...

Где это я?

– Клаус, – позвала автоматически и ужаснулась. Голос! Что с моим голосом? Почему он такой высокий и визгливый?

– Клаус, – прошептала, экспериментируя. Чуть повысила тон, стараясь не кричать: – Кла-аус!

– Миледи, миледи!

Я приподнялась на локтях, чтобы осмотреться повнимательнее. И чуть обратно в обморок не свалилась: на мне было чёрное платье. И не просто какое-то там чёрное платье! А, чёрт побери, шерстяное, закрытое от горла, с длинными рукавами, с пуговичками по всему лифу, длинное до кончиков пальцев на ногах пышное чёрное платье! Со складочками, конечно, с тесьмой чёрного цвета, с финтифлюшками по рукавам, с оборками по манжетам – но это было чёрное-чёрное кошмарное платье!

Между тем, девушка, которая звала миледи, подбежала и упала на колени прямо в траву, заломила руки и запричитала:

– Миледи, вам стало дурно? Миледи, позвольте, я помогу вам подняться! Ах, миледи, я бы позвала дворецкого, но он нас оставил, негодяй!

Я молча села, чувствуя во всём теле странную тяжесть. Знаете, такое чувство, когда долго лежала в одной позе и все мышцы затекли... Вот и тут – я ощутила, как они возвращаются к жизни с толпами мурашек. Дворецкий... Куда он нас оставил?

И кого – нас?

– Миледи, вот ваши нюхательные соли!

Да почему же она зовёт меня «миледи»? Тося я, Антонина, можно Антонина Николаевна... Господи боже, ну и вонь!

Я оттолкнула от носа руку девушки с крохотным флакончиком, который источал непередаваемый аромат кошачьего туалета. Причём, такое впечатление, что кошки ссали упорно в одно и то же место несколько лет, и никто никогда за ними не убирал!

– Поднимаемся, миледи, поднимаемся, потихонечку!

Она квохтала надо мной, как квочка над яйцом, а я, злясь, рывком встала. И чуть было не упала обратно на траву: не рассчитала, что платье до земли такое неуклюжее! Девушка всплеснула руками и пуще прежнего принялась причитать:

– Ах, миледи, разве можно было спускаться в сад без ме-

ня?! Я же понимаю, как вам сейчас непросто, как вы тревожитесь после кончины вашего супруга, нашего любимого господина графа! Это ужасно, ах, это ужасно!

Твою мать! Это я, что ли, вдова?

Вдова? Графа? Миледи?

За кого меня принимает эта сумасшедшая?

В общем, усилиями этой девушки мне удалось принять вертикальное положение. Я была в саду. Сад благоухал цветами, и они были повсюду! Как будто оказалась в ботаническом саду или где-то в квартире сумасшедшей бабушки, которая обожала растения. Но названий всех этих цветов я не знала. Девушка поддерживала меня под локоть и пыталась суетиться, чтобы проводить в дом, очертания которого я видела под покрывалом дикого винограда.

А я всё оглядывалась. Ведь попала я сюда, в это неизвестное место, вместе с Клаусом – я точно помню, что держала его за ошейник, а теперь собаки нигде не было видно. Поэтому я спросила у девушки:

– А где Клаус?

– Клаус? Вы говорите о том садовнике, который приходил наниматься, миледи?

– Нет, блин! О собаке!

Она картинно приложила руку ко лбу:

– О, собака! Это ужасное невоспитанное чёрное чудовище! Я выгнала его за ворота!

– Моего Клауса?!

Я отбросила её руку с локтя и завизжала с не привычки:
– Верните его немедленно!

И заткнулась, потому что звучало это кошмарно. Боже, я так ненавидела женщин с высоким визгливым тембром, а теперь я сама так говорю! Но как? Почему?

Однако мой крик возымел действие. Девушка испуганно шарахнулась от меня и, подобрав юбки, поспешила куда-то за дом. Я шумно выдохнула и увидела скамеечку, стоявшую у фонтанчика. Милый, кстати, фонтанчик – широкая белая чаша со статуей античной богини, из кувшина которой как раз лилась вода. Присев на скамейку, я разгладила складки тяжёлого платья, подумала и зачерпнула воду ладонью. Плеснула себе в лицо, утёрлась. Стало немного легче, но только немного. В голове всё ещё было беспокойно.

Я никак не могла понять, что со мной случилось.

Похитили посредством светящей ракушки.

Подержали в чёрном бессознательном.

Бросили на лужайке с фонтаном и цветочками.

Но при этом у меня изменился голос и на мне появилось чёрное неудобное платье на старинный манер.

Что ещё? Ах да, меня называют миледи и у меня умер граф. То есть, муж.

Сойти с ума. Ага, хорошая версия. Мне нравится. Я просто сошла с ума и теперь живу в каком-то своём сне. Я овощ. Да уж...

Нет. Не хочу быть овощем! Надо проверить. И я сделала

самое простое, что могла сделать: ущипнула себя за мякоть руки.

Больно, зараза! Значит, я не сплю, не валяюсь в коме и не умерла. Уже легче...

А потом мне стало ещё легче, потому что на лужайку во-рвалось «ужасное невоспитанное чёрное чудовище» и при-нялось вынюхивать что-то лишь ему одному слышное.

– Клаус! – позвала я радостно, и собака подняла голову, посмотрела настороженно. Неуверенно помахала хвостом, приподняла уши. Но не бросилась ко мне сломя голову, как я надеялась.

– Клаус... – дрожащим голосом повторила я, но лабрадор просто лёг на землю, не переставая нюхать воздух в моём направлении. Отлично, теперь мой пёс меня не узнаёт! Да что же такое случилось?

– Миледи, прошу вас, давайте зайдём в дом, я пригото-вила вам чай!

Девушка опять суетилась вокруг меня, полагая, что вы-полнила свой долг по собаке, а мне не хотелось никуда идти без Клауса. Ну почему же он меня не узнаёт? А может, Клаус обиделся, подумав, что я его бросила? Ведь мы всегда вме-сте, всегда!

– Миледи...

– А как вас зовут? – спросила я девушку, чтобы отвлечься от мучительных вопросов, и та уставилась на меня выпучен-ными от изумления глазами. Пролепетала:

– Миледи, ведь три года уже... Я же ваша камеристка...
Я Лили Брайтон!

– А, ну да, – пробормотала я, чтобы она ещё больше не волновалась. – Ну да.

– Пойдёмте в дом, миледи!

Я подчинилась. А что ещё можно было сделать? Нет, можно было, конечно, ещё закатить истерику, чтобы меня вернули туда, откуда взяли, но отчего-то казалось, что эта Лили Брайтон вообще не в курсе дела.

Спокойствие, Тося, только спокойствие!

Я обязательно вернусь домой, потому что тут красиво и хорошо пахнет, но дома лучше.

Мы поднялись по высокому каменному крыльцу к основательным дубовым дверям, и Лили потянула за ручку. Дверь оглушающе закрипела, словно протестуя против такого к ней отношения. А ведь мы ей ничего не сделали! Я осторожно вошла в дом.

Точнее, в холл. Мама дорогая, потолки! Высота, наверное, метров пять! Это ж как тут должно быть холодно зимой! А обстановка, обстановка! Я такую видела только в музеях. Ковёр на полу – круглый, красивый, но слегка потёртый местами, в диаметре метра четыре. На стенах вместо обоев самая настоящая ткань! Я даже шагнула, чтобы поколупать и проверить. Точно – плотный и гладкий шёлк! А ещё зеркала, картины, огромный шкаф-гардероб... Нет, это настоящий музей, а девушка сейчас окажется экскурсоводом и по-

журит меня за то, что я валялась на лужайке!

– Миледи, с вами всё в порядке?

Обернулась. Лили Брайтон смотрела на меня, колушающую стену, с неподдельным ужасом. Отдёрнув руку, я улыбнулась. Получилось наверное слегка заискивающе. Я шагнула к зеркалу, висевшему в проходе, и сказала:

– Очень красивая рама.

А потом заткнулась, не вскрикнув только потому, что дыхание перехватило.

Из зеркала на меня пялилась женщина лет тридцати, с перекосенным от изумления лицом, с огромными каре-зелёными глазами и в чёрном траурном платье...

Но не я.

Где же я?

Себя в зеркале я не нашла. Просто стояла и дрожала, как осиновый лист на ветру, ощупывая своё лицо и глядя, как женщина по ту сторону стекла повторяет мои движения. Нет сомнений, у меня её внешность. И я не сплю – это мы уже выяснили.

И Клаус меня не узнаёт!

Как узнать, если я – теперь не я, а вот эта тётка?!

– Миледи, – дрожащим голосом позвала Лили. – Велите вызвать доктора Бормингса? Я вижу, что вы чувствуете себя не слишком хорошо...

– Не надо никаких докторов, – отказалась я громко и быстро. – Я в порядке!

– Миледи, но ведь...

– Вы предлагали мне чай, – прервала я её. Лили всплеснула руками:

– Вы абсолютно правы, миледи! Сейчас же распоряжусь.

Она схватила с какой-то полочки большой серебристый колокольчик с миленькими незабудками на керамической ручке и остервенело позвонила им. Я бросила ещё один взгляд в зеркало. Тётка-брюнетка не исчезла. Она смотрела на меня настороженно, выпучив эти свои кошмарные глаза. И теперь они блестели. Наверное, от моего отчаяния. Ну как же так? Неужели нет никакого выхода?

Из боковой двери показалась дородная женщина с широким лицом, на котором лежала печать вечного проклятия – любви к мучному. Я сразу же почувствовала к ней симпатию: сама страдаю этим грешком, хоть и знаю, что мне надо худеть. Одета была женщина в очень простое чёрное платье, которое было почти полностью закрыто спереди белым передником, довольно грязным в том месте, о которое обычно вытирают руки. На тёмных с проседью волосах уверенно сидел восхитительно старомодный чепец, приколотый на висках шпильками.

– Хэтти, чай для миледи в малой столовой, – бросила ей Лили, и Хэтти коротко присела на несколько сантиметров, что выглядело, как будто её круглое тело дёрнулось вниз, но сразу же вернулось на место. Потом эта каравелла развернулась в узком проливе дверей и скрылась с глаз без единого

слова.

Вышколенная прислуга, кажется, это так называется.

Я шагнула к Лили и спросила:

– А что, у нас есть ещё и большая столовая?

Спросила только чтобы нарушить молчание, а эта девушка снова вытаращилась на меня, как на новые ворота, сказала осторожно:

– Конечно, миледи, в замке Уирчистер тридцать две комнаты, в том числе большая и малая столовые!

Я покивала с умным видом. Фигасе живут люди...

Хотя походу это я теперь так живу. Я же вдова графа. Кстати, а как его звали-то хоть?

– Напомните мне, Лили, фамилию графа.

– Ох, вам действительно необходим доктор Бормингс, – пролепетала девушка. – Лорд Монтегю Берти, восьмой граф Лиднесси и шестой граф Армингтон.

– И всё это один человека, ага, – сказала я тихо. – А я? Я тоже Берти?

– Май год, май год, – Лили перекрестилась. – Вы леди Маргарет Берти, графиня Лиднесси и Армингтон. Ой! Прошу покорно меня простить: вдовствующая графиня Лиднесси и Армингтон.

– Сложно, как всё сложно...

– Пойдёмте пить чай, миледи, – заторопилась Лили, наверное, чтобы прекратить неудобные расспросы и не поверить, что её графиня сошла с ума.

Глава 2. Знакомство с помещьем

Я пошла за ней в малую столовую, по дороге рассматривая обстановку. Пить чай – это хорошо, это очень хорошо. За чаем можно подумать и упорядочить мысли.

Через анфиладу богато украшенных, но мало мебелированных комнат мы попали в малую столовую. Там у окна стоял большой круглый стол с шестью стульями. Он был накрыт белоснежной скатертью, на которой уютно расположились две чашки с блюдцами, блюдо маленьких пирожных с кремом, заварной чайничек с курносым носом и большой металлический чайник, натёртый до блеска.

Я решила вести себя, как хозяйка, раз меня все считают графиней, и села на стул. Лили засуетилась, наливая в мою чашку чай, подкладывая странный коричневый сахар на блюдце, пироженку на тарелочку. Потом села напротив и озабоченным взглядом окинула посуду, сказала:

– Миледи, думаю, вам срочно необходимо нанять дворецкого. Приборы отвратительно грязны!

Я взяла в пальцы ложечку, повертела её и пожала плечами:

– Нормальные приборы.

– Вы сегодня необыкновенно добры, миледи. В другой день отчитали бы прислугу лично! – осторожно ответила Лили.

Я промолчала и принялась размешивать сахар в чае. При-

боры грязные. Ну пусть чистят, что мне-то? Я тут (надеюсь) ненадолго! Надо нанять дворецкого – пусть нанимают. Так и сказала ей:

– Нужен дворецкий – найдите его.

Лили выпрямилась, хотя и так сидела прямо, произнесла строгим голосом:

– Миледи, мне очень дорого ваше доверие, но я не могу взять на себя подобную ответственность! Дворецкий должен быть выбран хозяином дома, но наш любимый господин граф почил так невовремя... Поэтому ответственность за выбор дворецкого лежит целиком и полностью на вас, миледи.

– О господи, – пробормотала я. – Ну хорошо, без проблем, давайте кандидатуры, и я выберу.

Лили обрадовалась. Она прямо расцвела на глазах, засияла, с удовольствием отпила маленький глоточек чая и сказала тоном полностью довольного человека:

– Я тотчас же напишу всем кандидатам и попрошу их явиться в ближайшее время в замок.

– И когда это ближайшее время?

– Думаю, пару дней будет достаточно, чтобы прибыть в Уирчистер из любого места Англикерии.

Превосходно. У меня есть два дня. Надо привыкнуть к этому дому, к этой эпохе, узнать всё, что мне будет нужно, и постараться вернуться домой. Желательно в том виде, в котором я оттуда попала сюда.

Чай как-то очень быстро закончился, и я пожалела об этом. Был он действительно неплох – совсем не из пакетиков. Лили ждала, что я чем-то обозначу момент окончания ланча, но я молчала, вертя в пальцах накрахмаленную салфетку. Тогда девушка жизнерадостно вздохнула и спросила.

– Быть может, миледи желает переодеться в домашнее платье?

– Да-да, – рассеянно ответила я. Домашнее платье... Халатик, что ли? Викторианская Англия, на которую похожа эта самая Англикерея, носила ли домашние халатики? Или мне действительно надо сменить платье?

Как всё это суетливо...

Со двора послышался громкий требовательный лай. Я встрепенулась. Боже, я забыла Клауса снаружи!

Вскочив, потребовала:

– Лили, впустите собаку в дом!

Она показалась мне оскорблённой:

– Но, миледи! Ведь вы же сами... Вы же не хотели... Ведь пёс перебьёт посуду и попортит мебель!

– Глупости, Клаус отлично воспитан и, к тому же, не может жить на улице!

– Миледи, но грязные лапы...

– Дайте мне полотенце, и я сама их ему вытру!

– Как можно, как можно? – снова, как на лужайке, запричитала Лили. – Я велю устроить собаке будку близ конюшни!

Я хотела было вызвериться на неё, но потом подумала: че-

го с ней зря болтать? Я же могу сама сходить, открыть дверь и впустить моего лабрадора в наш новый временный дом!

Когда я направилась к выходу, то в зеркало над камином увидела вытянувшееся от удивления лицо камеристки. Что, не ожидала? А вот накоси выкуси.

Клаус торчал на лужайке, лая в воздух. Он всегда так выражал своё неодобрение, но иногда я не могла понять, что именно не нравится псу. Теперь же я прекрасно его понимала. Украли хозяйку, бросили одного, ни в мячик поиграть, ни подстилки любимой... Я позвала его громко, очень стараясь не визжать:

– Клаус! Ко мне!

Лабрадор сорвался с места и бросился к крыльцу, но не налетел на меня, как обычно делал это – со всей дури, виляя даже не хвостом, а всем телом – а остановился как вкопанный в метрах двух. Снова принялся нюхать воздух в моём направлении. Я поджала губы, прищурилась. Надо дать ему понять, что это именно я, а не другая тётка, пусть даже пахну и выгляжу совсем не так, как обычно.

Присела на корточки – едва, ибо сразу сдавило в талии, раскинула руки и сказала вредным тоном:

– А кто у нас тут дурик на всю голову стукнутый? Кто у нас хозяйку не узнаёт? Кто хочет кушать? Клаус! Кушать? Кушать, да?

При знакомых словах «дурик» и «кушать» пёс завилял хвостом. В глазах Клауса я увидела некоторое недоверие, но

хвост говорил: «Да, да, дурик хочет кушать!» Но в эту ловушку он не попался, потому что с самого первого дня получал еду исключительно за работу. Кто-то другой мог этого не знать, но не я. Поэтому, поднявшись, тётка с лицом чужой и запахом чужой сказала псу чужим голосом:

– Клаус, сидеть.

Толстый зад лабрадора дёрнулся, помедлил, но всё же аккуратно опустился на траву лужайки. Я возликовала. Ура! Работает! И тут же сказала строго, подтвердив команду жестом:

– Лежать.

Не сводя с меня красивых карих глаз, Клаус лёг. Его хвост легонечко покачивался из стороны в сторону. В моей груди царило полное и бесповоротное «ми-ми-ми», я удержалась от радостных слёз только огромным усилием воли. Чтобы закрепить успех, дала последнюю команду:

– Спать!

Эта команда давалась Клаусу труднее всех остальных, потому что требовала полной неподвижности – в том числе и хвоста. Но он покорно положил голову на вытянутые передние лапы и закрыл глаза.

Мой хороший мальчик! Мой лапушка! Даже если он меня не узнал, решил, что я своя, и можно меня слушаться!

– Ай хорошо! – совершенно счастливым голосом провозгласила я. – Ай bravo! Ай какой хороший мальчик!

Хороший мальчик завилял хвостом, но с места не двинул-

ся, только тяжело вздохнул. Спать – так спать по-настоящему. И я, чуть не запрыгав от радости, дала освобождающую команду:

– Всё!

Клаус вскочил и бросился ко мне. Теперь уже у него не было никаких сомнений – такие команды знала и использовала только я. Он ткнулся мордой мне в живот, вытянув шею и заглядывая в глаза, а хвост вертелся, как пропеллер.

Я же дала волю своему счастью и затормошила, зачесала Клауса по всей спине, по крупу над хвостом, и пёс с широкой «улыбкой», свойственной только лабрадорам и стаффам, принялся издавать те звуки, которые всегда смешили меня и означали высший собачий восторг: что-то среднее между тяжёлым дыханием, фырканием лошади и беззвучным похрюкиванием.

Начесав пса вдоволь, я скомандовала весело:

– А теперь кушать!

Клаус, услышав любимое слово, ломанулся в дверь замка. Остановился посередине холла, оглянулся. Я погрозила ему пальцем:

– Аккуратно!

С видом «чёрт, не разрешили поскакать галопом» он всецело предался второму любимому занятию: нюхать. А я, наморщив лоб, пыталась сообразить, в какой стороне кухня.

Кажется, Хэтти вышла из двери справа. Направившись туда, подумала, что фиг я тут найду готовы собачий корм, а пе-

реводить Клауса на натуралку будет нелегко. Нет, он, конечно, всё пробовал с детства – и мясо, и овощи, но привык-то к сушке! Как отреагирует его желудок – большой-большой вопрос.

Кухарку, или кем там она была, я нашла через несколько комнат. Или кладовых? В них стояли шкафчики, сундуки, лари, пахло сухим и аппетитным. А на кухне, которая представляла собой огромное темноватое помещение под сводчатым каменным потолком, стоял дым коромыслом. Зев очага полыхал дьявольским огнём. В больших котелках что-то варилось, а между ними на вертеле запекались две толстые куры. Или это индейки – уж слишком большие для кур!

Девчонка-подросток, старательно строгавшая лук прямо на столешнице гигантским острым ножом, подняла на меня взгляд и вытерла глаза от слёз. Потом застыла с открытым ртом. Я робко улыбнулась ей и спросила:

– А где Хэтти?

Девчонка, не закрывая рта, дёрнулась вниз, изображая, видимо, книксен, и ткнула пальцем куда-то к очагу. Хэтти протиснулась через узкую дверь, и мне показалось, что я даже услышала лёгкий «чпок» – будто пробка из шампанского вылетела. Нервы у кухарки оказались крепче, чем у её помощницы, и Хэтти спросила глубочайшим альтиом:

– Миледи угодно проконтролировать лично работу?

– Нет. Миледи угодно, чтобы вы накормили собаку.

– Хорошо, миледи, у меня остались кости от вчерашнего

ужина.

– Кости? – оскорбилась я. Вместе со мной оскорбился и Клаус, хотя по виду он был очень рад костям. Но старательно оскорблялся, чтобы я чего не подумала. Я шагнула на середину кухни и сказала очень убедительно: – Собачья еда не должна состоять из костей! Двести пятьдесят граммов свежего мяса и столько же овощей, плюс кефир или творог.

– Кусок грудинки, морковь и миска молока?

Даже если Хэтти удивилась, она этого не показала, оставшись невозмутимой глыбой спокойствия. Я вздохнула. Клаус тоже вздохнул. Грудинки он бы точно заточил, но я не собиралась возвращать в нём обжорство, тем более что лабрадоры склонны к ожирению.

– Хэтти, пожалуйста, говядину и творог! Можно сырое яйцо.

– Как миледи будет угодно, – кухарка снова присела и, развернувшись, снова отправилась к узенькой дверце. Я с сомнением следила за тем, как пышные тела ввинчиваются в маленькое пространство, но обошлось – видимо, Хэтти делала это часто и уже привыкла.

Когда Клаус был накормлен по всем правилам БАРФа, я успокоилась и решила познакомиться с персоналом поближе. Повернувшись к девочке, спросила у неё самым ласковым голосом, на которое было способно это тело:

– Ну, а как тебя зовут?

Она, закрывшая только недавно рот под грозным взгля-

дом Хэтти, снова уставилась на меня, и её челюсть поехала вниз. Ох ты ж господи... Я даже улыбнулась, чтобы девочка приободрилась, но моя улыбка произвела обратное впечатление: помощница кухарки ещё и глаза выпучила ко всему прочему.

Хэтти откликнулась от очага, где помешивала в котле варево:

– Смущаете вы её, миледи. Дорис она.

– А чего смущаться? – я и сама смутилась. – Я же не кушаюсь!

– Простите, миледи, что с неё взять – сирота.

– Бедная девочка, – пробормотала я.

И тут появилась Лили.

Она сморщила носик на хорошеньком личике и снова засуетилась:

– Миледи, вам не стоит столько времени находиться на кухне, ведь у вас есть я! Вы можете мне приказать проследить за кухаркой, а не делать это самой! Пойдёмте, вы наверное очень устали, я помогу вам переодеться, и вы ляжете...

– Я сама могу решить, что мне делать! – воскликнула я, и получилось снова визгливо. Лили отпрянула, потом вкрадчиво взяла меня под локоть, чего я, кстати, терпеть не могу:

– Миледи, вы совершенно себя не бережёте! Вам нужно отдыхать, вы не очень хорошо себя чувствуете после кончины лорда Берти!

Усилием воли я уняла поднимающийся внутри гнев и всё

же позволила увести себя с кухни. Не стоит пока ссориться с камеристкой, которая, походу, ещё и компаньонка. Но и вести себя с ней доверительно я не буду. Пока непонятно, что за штучка эта Лили Брайтон.

На второй этаж из холла вела очень красивая деревянная лестница с высокими ступенями и необыкновенно искусной работы резными перилами. Отполированное ладонями дерево словно дышало теплом, когда я положила на него руку, опираясь. По ступеням подниматься было неудобно, и я посочувствовала слугам – они, наверное, бегом преодолевают лестницу по много раз в день! Мне-то норм, я могу двигаться степенно и неспешно, да и камеристка поддерживает под локоток.

Любопытный Клаус уже ждал нас наверху, обнюхивая углы галереи, стена которой была увешана портретами мужчин в старинных одеждах и париках, а вторая часть выходила вторым светом на холл. Опоры галереи тоже гордо выставляли напоказ резные бока, а потолок поддерживали солидные тёмные балки. Каждая была толщиной с полторы меня. Наверное, каждую делали из целого дерева...

В целом тут, конечно, было красиво, но очень мрачно. Ни за что по доброй воле не согласилась бы жить в таком месте!

Но меня сюда забросили – притянули! – против воли. Инстинкт самосохранения вопил о том, что надо мимикрировать и со всеми соглашаться. Однако я прекрасно понимала: долго я так не продержусь. Характер не позволит.

Поэтому до того момента, когда он даст о себе знать, я должна узнать всё о теле, в которое попала, об обитателях замка и вообще о мире, который так похож на нашу викторианскую Англию.

– Вот и ваша спальня, миледи!

Лили открыла высокую дверь с вычурными филенками и отошла в сторону, освобождая проход. Ага, значит, я должна войти первой. Спальня оказалась не слишком большой, но была бы просторной, если бы не кровать, стоявшая по центру комнаты. Гигантизм и монументальность – вот девиз этого замка!

Кровать была шире обычной двуспальной, выше нормальной, и сверху её венчал шикарный балдахин. Самый настоящий, тяжёлыми складками ниспадающий с углов, подвязанный золочёными шнурками.

С ума сойти! Мне здесь спать? Я же пятнами покроюсь от аллергии – тут наверняка и клещи, и клопы...

– Миледи, пойдёмте в гардеробную, я помогу вам переодеть платье!

Господи, уйдёт эта Лили когда-нибудь или нет?

Я проследовала за камеристкой в не меньшую комнату, дверца в которую была спрятана за старинным гобеленом с изображением оленя. В гардеробной стояло два гардероба, как и должно быть, судя по названию, и четыре средних размеров комода. Лили открыла двери одного из гардеробов и достала оттуда висевшее на плечиках платье.

Чёрное.

Опять чёрное.

Но, слава богу, гораздо более просторное и больше похожее на халат, у которого сшили полочки, чтобы не тратиться на пуговицы или застёжку. Лили разложила его на небольшом столике по центру комнаты и подошла ко мне сзади:

– Я раздену вас, миледи.

– Будьте так добры и любезны, – ответила я сквозь зубы. Ненавижу переодеваться в присутствии других, а особенно незнакомых, людей.

Лили, впрочем, оказалась весьма деликатной. И сноровистой. Она очень быстро расстегнула моё платье, стащила его вместе с рукавами и юбкой вниз. По жесту камеристки я переступила через ворох чёрной ткани и вступила в другой ворох. Попутно осмотрела себя и чуть не сдохла от термического шока. Господи, я ведь не верила, когда по приколу читала, как одевались дамы девятнадцатого века! А это всё было правдой.

Сорочка, корсет, рубашка, панталончики, чулки...

И драгоценности.

Лили натянула на меня платье, завязала шнурочек под горлом и сказала:

– Я думаю, что гагатовые брошь и браслет отлично дополнят наряд.

Спорить я не стала, тем более, что мне захотелось увидеть, что там у этой графини было из украшений. Лили вынула из-

под ворота своего платья ключ на цепочке и открыла один из ящиков одного из комодов.

– О, май год! Май год! Невозможно! О, это ужасно, миледи!

– Что случилось, Лили? – забеспокоилась и я, хотя мне было до всего, как до луны. Камеристка обернулась ко мне, и я изумлённо подняла брови. У Лили были огромные глаза, такие большие, будто она увидела единорога. Но при всём при этом ещё и ужас был написан на миленьком личике. Она посмотрела мне в глаза и прошептала:

– Все ваши драгоценности исчезли, миледи!

– Как – все? Совсем все? – глупо спросила я. Кивок был мне ответом, видимо, Лили сейчас не могла выдавить из себя ни слова. Она только смотрела непонимающе. И я не понимала. Драгоценности. Пропали. Окей! Кто-то их украл?

– Все драгоценности, миледи, и вся коллекция артефактов!

– Каких артефактов?

– Ваших, миледи, ваших личных камней!

Мда, я многого не знаю об этом мире... Теперь ещё и камни какие-то!

Лили вдруг замерла, всплеснула руками и воскликнула:

– Миледи, вам совершенно необходимо проверить коллекцию покойного лорда Берти, а также артефакты из сейфа!

– Ну так давайте проверим, – согласилась я вынужденно. Делать-то всё равно нечего.

– Ключи хранятся у вас, миледи, – напомнила Лили и указала на мой пояс, который она сняла с первого платья. На нём висела бляшка с изображением какого-то геральдического животного и непонятными мне словами, а от бляшки спускались изящные цепочки с прицепленными на них не менее изящными вещицами. Как это я их не заметила сразу?

Я взяла шатлен в руку и с хитростью лисы попросила:

– Лили, проводите меня, пожалуйста, к сейфу.

С книксеном девушка направилась к двери, а я за ней.

Сейф оказался в соседней комнате, которая служила, вероятно, кабинетом. Здесь была огромная библиотека из солидных шкафов и не менее солидных книг с бордовыми, зелёными, коричневыми корешками и золочёными буквами. Стол в лучших традициях английской мебели – морёный дуб, зелёное сукно на столешнице, ящички с ручками в виде змеиных тел. Картина, изображающая толстую королеву в тиаре и мантии, подбитой белым мехом.

Где же может быть сейф? Так думала я, а сама направилась напрямиком к картине и откинула крохотный крючок с правой стороны. Открыла портрет, как дверцу, и уставилась на железный сейф, встроенный в стену.

Мило!

Что же это? Память тела? Оно само нашло сейф. Теперь должно само и открыть.

Я зажмурилась, чтобы не мешать автоматизму рук, и выбрала ключ, вставила его в замок, а потом повернула диск на

пол-оборота влево, на три четверти оборота вправо и снова на пол-оборота влево. В глубине сейфа что-то щёлкнуло, он издал гулкий звук, и тяжёлая стальная дверь приоткрылась.

Кто молодец?

Я молодец!

А сейф-то пуст...

Глава 3. Найти вора

– О май год, май год!

Голос Лили привёл меня в себя. Какая жалость, что меня, то есть, вдовствующую графиню, обокрали! Хотелось очень посмотреть на драгоценности, на артефакты... А теперь фиг мне. Но надо, наверное, что-то делать?

Я оглянулась на Лили, которая то белела, то краснела, а потом пошла пятнами. Спросила у неё:

– Надо вызвать полицию? И это... Где-то есть список того, что хранилось в сейфе?

– О, миледи... Да, конечно, в кабинете хранится реестр коллекций! Но полиция... Быть может...

– Что? Полиция должна найти вора!

– Но господин граф... Ведь он умер так внезапно!

– И что? – нетерпеливо повторила я. – Люди умирают, это часть жизни. Или...

Я прищурилась и спросила с нажимом:

– Или он умер не своей смертью?

Лили огляделась и шёпотом ответила:

– Миледи, я, конечно, вас не выдам, но полиция может начать задавать неудобные вопросы!

– Какие вопросы, Лили? Вы что, с ума сошли?

Я даже вскипела внутри. Что она себе позволяет? Намекает, что я отравила этого графа? Ну, то есть, не я, конечно,

а та, которой принадлежало это тело раньше! Вообще, эта бэушность слегка угнетает. Мало ли, чем леди Маргарет занималась раньше, а мне теперь расхлёбывать...

– Реестр! – рявкнула я, стараясь успокоиться. Ладно, не будем паниковать раньше времени. Может, ещё и обойдётся.

Лили метнулась к столу, зашваркала ящиками, потом выхватила кожаную папку, закрытую на причудливый крохотный замочек:

– Прошу, миледи! Здесь все сведенья о коллекциях и акты освидетельствования экспертами!

– Благодарю, – сухо ответила я и открыла незапертую папку. – А теперь пойдите и вызовите полицию. Как там у вас это делается...

Лили коротко присела и вышла, решив, наверное, больше не спорить.

Первая бумага в папке была с красивым вензелем наверху страницы. В нём переплетались латинские буквы Б, Л и А. Видимо, это вензель графа Берти. Дата – 20 марта 10285 года.

Шта?

Я ещё раз взгляделась в цифры, пытаюсь понять – это я плохо вижу или писавший был пьян. Но нет, всё было правильно. Десять тысяч двести восемьдесят пятый год.

С ума сойти, и правда что... Десять тысяч лет! Летоисчисление, конечно, тут фривольное. Но ладно, если вспомнить, что по славянскому календарю в моём мире примерно

семьдесят тысяч лет. Читаем дальше.

Список артефактов, так и написано, ей-богу! Принадлежит его светлости лорду Берти под попечением её светлости леди Маргарет Берти. Под номером первым – янтарь с вкраплением гематита весом в пол-паунда для лечения болезней крови женского характера. Оценивается в сто фунтов. Под номером вторым – красный агат весом в три онции для лечения бессонницы, порчи и фобий. Оценивается в тридцать фунтов...

О, а вот и гагаты! Брошь в виде змеиной головы за пятьсот фунтов и браслет из двенадцати бусин, перемежающихся оными же из гематита. Оправа из серебра работы мастера с неразборчивой фамилией. А стоит этот комплект ни много ни мало восемьсот фунтов.

Интересно, во сколько оценивается всё состояние почившего графа Берти?

И кто его унаследует?

Вопрос о том, каким образом я понимаю всё, что написано на этом птичьем языке с закорючками и загогулинами, решила не рассматривать. Память тела – отличная штука, оказывается.

Реестр надо пока отложить в сторону. Мне очень интересны бумаги о владениях графа и его завещание. А вот внимание Лили привлекать не стоит... Пока она ходит где-то там, я пороюсь в ящиках.

Обыск ящиков дал потрясающий результат.

Я нашла папочки, в которых были аккуратно сложены документы на владение землями и домами. Видимо, Уирчистер был основным жильём графа, потому что он хранил тут всё самое важное. А земель у нас оказалось немало. Навскидку – полмиллиона гектаров...

Я попыталась представить себе гектар.

Футбольное поле?

Пятнадцать с половиной стандартных дачных участков, если я не забыла математику?

А как представить пятьсот гектаров? А пятьсот тысяч?

Я села на кресло, аккуратно сложив стопочку бумаг в папке. С ума сойти, я богатая женщина, однако... Ну, граф-то умер, я наследница. Или в викторианской Англии женщина не могла наследовать? Нет, вроде могла... Там ещё было такое понятие, как майорат. С этим надо хорошенько разобраться.

Но спрашивать у Лили я не буду.

А у кого ещё спросить – не знаю.

Наверное, придётся искать книги, в которых должна быть описана система наследования. Очень, знаете ли, хочется знать, на каком положении я тут живу.

Задумчиво глянув в окно, я подскочила и взвизгнула от неожиданности и страха. Из-за стекла на меня смотрела лохматая чумазая морда – в лучших традициях рассказов о Шерлоке Холмсе! Но, стоило мне издать звук, как морда тут же исчезла.

Я стояла возле стола, не зная, что мне делать, а тут ещё снизу раздался звонок колокольчика – громкий, звонкий. Вслед за ним – радостный лай Клауса. Конечно, он всегда раз звонку в дверь – это же гости, доставка, соседи, можно облизать и обнюхать! Надо спуститься и велеть ему прекратить лаять.

Но смею ли я?

Или Лили Брайтон сочтёт это ещё одной сумасшедшей выходкой графини? А не наплевать ли мне на Лили Брайтон? !

Я двинулась к двери кабинета, оглянувшись на окно. Но мерзкой рожи не было. Видно, воришка хотел забраться по виноградной лозе, оплетавшей стену, и украсть то, что ещё не успел... Нет, абсолютно точно надо заявить и о нём в полицию!

Когда я вышла из кабинета, Лили как раз бежала, запыхавшись, вверх по ступенькам. Увидев меня, она присела в книксене и сказала, хватая воздух ртом:

– Миледи, я послала мальчишку с конюшни за полицией, а ещё, миледи, произошёл странный случай! Представляете, миледи, я ещё не успела написать объявление – а к нам в дверь уже позвонил соискатель на должность дворецкого!

– Да вы что? – вежливо удивилась я. – Ну так пойдёмте посмотрим.

– Вам не кажется это немного... подозрительным?

– Нет, – отрезала я. – Где он?

– Ждёт в комнате для прислуги.

– Отлично.

Я направилась к лестнице. Дворецкий, пришедший раньше срока. Ну и что тут такого?

Лили следовала за мной по ступенькам, затем почтительно обогнала и свернула туда, где находилась кухня. Немного не доходя до неё, открыла дверь и провозгласила:

– Её светлость леди Маргарет, вдовствующая графиня Берти.

Я вошла, ощущая себя по меньшей мере английской королевой, и увидела мужчину лет тридцати. Был он гладко причёсан, аккуратен и представителен. Его тёмные умные глаза взглянули на меня, поймали мой взгляд, и я поняла, что пропала.

У каждой девочки есть идеал мальчика. С самого детства она знает, в кого будет влюбляться. В шатена или блондина, в коренастого крепыша или в худощавого спортсмена, в ботаника или в плохого парнишу. И идеал этот практически не меняется с течением времени, за исключением деталей.

Высокий брюнет с мускулистым телом и прелестной задн... прелестным постерьером, с шикарными ресницами и узким аристократичным носом, мой воплощённый идеал мужчины, стоял и смотрел на меня без улыбки, вежливо и внимательно.

Лили кашлянула, но, видя, что я не двигаюсь и говорить не смогу в течение некоторого неопределённого времени, ре-

шила взять дело в свои руки. Спросила:

– Как вас зовут, милейший? И откуда вы узнали о вакантном месте?

– Фелтон Нокс, мисс, – он легонько поклонился Лили, затем снова перевёл взгляд на меня и тут же опустил его. – А про место, миледи – всё очень просто. Я гостил у моего старинного друга Эдди Милтона, мы с ним вместе учились в колледже, и он мне рассказал, что в Уирчестер-холле нет дворецкого.

– Я знаю Эдди Милтона, – прищурилась Лили, незаметно пытаюсь подтолкнуть меня под локоть. Отстань, гнусная камеристка, дай поумиляться красивому, чуть капризному изгибу губ, который бы несомненно больше подошёл какому-нибудь лорду, чем слуге! Но да, и вправду надо что-то сказать, а то неприлично молчать дальше.

И я спросила:

– А почему вы уволились с предыдущего места работы?

– Я служил в поместье полковника сэра Виртбури, но, к моему величайшему сожалению, он с семьёй недавно отбыл в колонии, а я не смог последовать за ним, ибо моё здоровье не выносит жаркого и влажного климата Хиндустана.

Ну настоящий английский джентльмен! Я снова умилилась, спохватилась, что сейчас начну пускать слюни, и кивнула:

– Что ж, я нанимаю вас.

– Благодарю, леди Маргарет.

Нокс снова поклонился с невыразимой и завидной элегантностью. Лили не слишком одобряла мой поспешный выбор, потому что попыталась возразить:

– Но мистер Нокс ещё не показал вам рекомендательные письма!

– Уверена, у мистера Нокса с этим всё в порядке, – я чуть повысила тон, стараясь не визжать. Мой новый дворецкий вынул несколько сложенных конвертиками листов бумаги и почтительно протянул их камеристке:

– Прошу, мисс...

– Брайтон, – она вздёрнула носик, но письма взяла. – Леди Маргарет изучит их и вернёт вам в скором времени.

Да-да, изучу, верну... Самолично, без этой цацы, чтобы пообщаться с дворецким наедине.

О боже, какой мужчина!

Почему, чёрт возьми, мы не встретились в моём мире, на моей территории, по моим правилам?

– Думаю, что вам стоит немедленно приступить к своим обязанностям, – продолжила Лили, ибо я молчала, как рыба об лёд, и сняла с цепочки на поясе связку ключей: – Вот, возьмите. Да берегите, не затеряйте.

По её лицу можно было читать, как по книге: новому дворецкому Лили не доверяла ни на грамм. Но спорить со мной в открытую не решалась. А я вспомнила вдруг в связи с ключами:

– Лили, а где же полиция?

– С вашего позволения, миледи, им нужно некоторое время, чтобы запрячь и явиться из деревни в Уирчистер-холл.

– Полиция? – насторожился Нокс. – Миледи, у вас случилось несчастье?

– Да, мистер Нокс, у нас случилось ужасное несчастье! – язвительно бросила Лили. – Предыдущий дворецкий обокрал леди Маргарет и скрылся!

В тот же момент, пока Нокс осмысливал сказанное, раздался требовательный звонок колокольчика и не менее требовательный лай Клауса. Я встрепенулась:

– Полиция?

– Если позволите, – сказал Нокс, – я займусь своими обязанностями.

Он поправил и без того идеально повязанный шейный платок и направился в холл открывать дверь. Лили же обернулась ко мне и воскликнула:

– Я поражаюсь вашей беспечности, леди Маргарет! А если этот такой же, как и мистер Фалкинс?

– Ай всё, – ляпнула я. – Какая разница? Зато приборы будут чистые.

Она покосилась на меня, и тут же снова вошёл Нокс:

– Леди Маргарет, к вам полиция. Я взял на себя смелость пригласить их в ближайшую гостиную.

– Отлично, – ответила я ему с милой улыбкой. – Ну, вы тут занимайтесь тем... чем положено, а мы с Лили пойдём поговорим с полицией.

– Прикажете подать чай или прохладительные напитки?

Какие же у него глаза! Нокс смотрел на меня вопросительно, и я кивнула, постаравшись сделать это как можно более элегантно. А потом развернулась и вышла из комнаты для прислуги. Только в холле сообразила, что не уточнила: так всё же чай или прохладительные напитки? Ну ничего, сам решит, что лучше.

Полицейских было двое. Один из них оказался маленьким и юрким усатым мужчиной в полосатом костюме, и я сразу окрестила его Лейстрейдом, хотя звали его по-другому. Второй – в тёмно-синей форме и характерном яйцеобразном шлеме – был высокий, представительный и держался прямо, как столб. Первый поклонился и почти подобострастно сказал:

– Леди Маргарет, большая честь для меня расследовать преступление в вашем доме! Не могли бы вы изложить вкратце суть дела?

Что бы сказала на моём месте леди Агата? Та, которая Кристи. Я выпрямила спину, расправив плечи, и тоном великосветской дамы ответила:

– У меня украли все драгоценности и коллекции артефактов. Убедительно прошу найти и покарать вора.

Лейстрейд тут же закланялся, залебезил:

– Разумеется, леди Маргарет, мы обязательно его поймем и накажем по всей строгости закона! Когда случилось это злодеяние?

– Лили, – бросила я, не оборачиваясь. А, наверное, мне надо сесть, я же леди...

Села на стул с мягким сиденьем из гобеленовой ткани, сложила руки на коленях, слушая, как Лили взволнованно рассказывает подробности побега дворецкого и обнаружения пропажи украшений. Так я наконец-то узнала, что мой муж, господин граф Берти, скончался вечером третьего дня, когда пил свой стаканчик бренди за чтением газеты в верхней гостиной у камина.

Правильно умные люди говорят: пьянство убивает.

Далее я узнала, что дворецкий по имени Фалкинс был очень хорошо образованным негодяем, потому что при всей своей щепетильности в работе и безукоризненности манер он сбежал на второй день после смерти хозяина. Столовое серебро осталось на месте, а вот драгоценности фьюить вместе с ним.

Лейстрейд развил бурную деятельность. Для начала он испросил позволения осмотреть место преступления, и я согласилась. Клаусу понравилось новое развлечение, и он весело помчался вместе с детективом и констеблем по лестнице, то и дело повизгивая от удовольствия – а вдруг эти незнакомые, но очень приятные люди покидают мячик или палочку? Лейстрейд опасливо уворачивался от собаки, и именно тогда я подумала, что детектив не слишком умён и не слишком приятен.

Вместе с констеблем он внимательно осмотрел ящичек

комода, где хранилась коллекция артефактов, затем сейф и его обличающую пустоту, затем подоконники и запоры на окнах. И тут я вспомнила:

– Ох, господин полицейский! Я же видела в окне ужасную морду!

Детектив резко повернулся ко мне с заинтересованным выражением лица:

– Что вы говорите! Расскажите поподробнее, будьте так любезны, леди Маргарет!

– Куда уж подробнее? Мерзкая рожа, заглянула в окно, пока Лили ходила вниз, я испугалась, вскрикнула – рожа исчезла! Думаю, стоит как-то патрулировать окрестности замка, иначе...

– Разуме-ется, госпожа графиня, разуме-е-ется! – сразу же откликнулся Лестрейд. – Я выделю для охраны Уирчистер-холла двое крепких парней, чтобы обходили замок по периметру! Не извольте волноваться, вы в безопасности, пока королевская полиция защищает вас!

Не то, чтобы у меня были сомнения, нет. Хотелось доверять этому проныре полностью и безоговорочно. Но сходство с книжным персонажем настораживало. Вызывало опасения.

И, как оказалось, не напрасно. Покрутившись по гардеробной, Лестрейд потёр руки и жизнерадостным тоном заявил:

– Ну что ж, мне всё ясно! С ключиков сняли слепки, види-

мо, этот дегенерат готовился к краже заранее! И совершенно ясно, что у него был помощник!

Он обернулся и ткнул обличающим пальцем в Лили, которая побледнела:

– Или помощница. Ты дала ему ключи от сейфа и комода! Ты соучастница! Перкинс, арестовать её!

Лили всплеснула руками:

– Я? Я тут ни при чём, господа! Миледи, прошу вас, скажите им!

Её хорошенькое личико побледнело, потом пошло пятнами. Надеюсь, от возмущения, а не от того, что её припёрли к стенке правдой...

– Не думаю, что моя компаньонка... – сказала я медленно. Впрочем, я же ничего не знаю. Всё произошло до переноса моего сознания в это тело!

– Не беспокойтесь, леди Маргарет, как только она окажется в полицейском управлении, во всём сознается! – уверенно заявил Лестрейд, глядя, как на Лили надевают старинные наручники, больше похожие на кандалы.

Девушка держалась вполне стойко, но, когда Перкинс повёл её к выходу, разрыдалась, заламывая руки:

– Миледи, я не сговаривалась с Фалкинсом против вас! Клянусь!

– А что я могу сделать? – пробормотала я растерянно и взглянула на Лестрейда. Тот аж сиял – как же, поймал преступницу! – Вы там с ней аккуратнее, думаю, Лили и правда

не виновата!

– Леди Маргарет, рад служить, – детектив поклонился и вышел из моей гардеробной. Клаус решил проявить вежливость и проводить гостей.

А я нахмурилась. Неужели эта милая девушка обокрала свою хозяйку?

Надо бы разобраться самой, на полицию надежды мало.

Вообще, странно, что Лили не защищалась. Если она не виновата, могла бы сказать, что у неё алиби, например. Она же должна была быть с хозяйкой после смерти графа: утешать, вонючку под нос подсовывать. Хотя... Ведь Лили могла сделать слепки давно, а Фалкинс обчистил бы сейф после кончины хозяина.

Интересно, они были любовниками?

В гостиную неслышно зашёл Нокс, и я вздрогнула, когда заметила его. Приложив руку к сердцу, выдохнула:

– У вас в предках были коты?

Он поднял на меня вопросительный взгляд, и я отмахнулась:

– Ладно, извините. Я хочу поговорить со всеми слугами, которые были в доме на момент исчезновения Фалкинса, бывшего дворецкого.

– Хорошо, миледи. Позвольте собрать всех здесь или в холле?

– Здесь, наверное.

Ещё один взгляд, на этот раз с мимолётным прищуром.

Затем Нокс поклонился и вышел так же неслышно.

Наверное, у него войлочная подошва на туфлях.

Что я хочу спросить у прислуги? Да, про связь Лили и Фалкинса. Слуги всегда всё видят, всё знают. Так пишут в книгах, а книгам умных людей я верю.

Кстати, а сколько у меня прислуги?

Пока я задумчиво барабанила пальцами по скатерти, прибежал Клаус. Видимо, проводил гостей и вернулся проверить, не дадут ли ему тут печеньку. Печеньку я ему дала. Клаус схрумкал её с таким видом, будто не манж па сис жур, потом подошёл ближе и положил большую голову мне на юбку, облизывая тонкую ткань. Я положила ладонь на его макушку, почесала загривок за ушами, как делала всегда. Клаус зажмурился от удовольствия и издал свой любимый звук – среднее между скулежом и тяжёлым дыханием астматика.

– Хороший мой мальчик, – тихонечко сказала я. – Это мама, да. Мамочка тебя любит!

Чужой голос уже не насторожил собаку. Клаус балдел от ласки, а я балдела от того, что мой пёс наконец-то меня признал.

Но движение в гостиной прервали нашу идиллию. Первым вошёл Нокс. За ним цепочкой тянулись женщины и один мужчина. Я знала Хэтти с Дорис, остальные были мне незнакомы.

Когда слуги построились в рядочек у окна, Нокс с поклоном сообщил:

– Миледи, здесь вся прислуга Уирчистер-холла.

– Благодарю вас.

Я встала, потревожив Клауса, и прошлась вдоль рядочка. Хэтти, Дорис, две молоденькие девушки с весьма невыразительной внешностью, женщина средних лет, пожилая хорошо одетая дама с шалью, парень примерно моих лет с заливчатыми усами и мужчина, по виду напоминающий постаревшего уголовника.

Мой вопрос оказался для них полной неожиданностью.

– В каких отношениях были дворецкий Фалкинс и мисс Брайтон?

Девушки переглянулись и покраснели, женщина выпрямилась, будто ей палку засунули за спину, а пожилая дама ответила неожиданно бодрым голосом:

– Служили в одном доме, миледи, какие ж ещё отношения?

– Служебные, да, я понимаю, – кивнула. – Но, может быть, было что-то ещё?

Все молчали, переглядываясь. Я вздохнула. Что бы на моём месте сделал мой любимый сантехник и бывший опер Рыжов?

– Обещаю каждому и каждой из вас вознаграждение за сведения о том, кто меня обокрал.

Прошла ещё раз мимо ряда прислуги и внушительным тоном добавила:

– Вечером жду вас в моей спальне по одному.

Глянула на Нокса. Он смотрел на меня с высоко поднятыми бровями. Я тоже подняла свои, словно спрашивая молча: а что такого? И дворецкий сразу опустил взгляд.

Не прост он, ох не прост.

Клаус, который уже всех обнюхал, подошёл к Ноксу, ткнулся мокрым носом ему в колено. Сейчас этот сноб разорётся, что пёс облюндовал брюки!

Но Нокс только легонько погладил Клауса по голове, слегка наклонившись и не теряя собственного достоинства. Я чуть не сомлела от счастья! Неужели он любит собак?

Глава 4. Учю и ищю

Распустив прислугу, я растерянно оглядела малую гостиную. Без Лили я была как без рук. Да, она суетливая и излишне заботливая, но что мне теперь делать? Я же не настоящая графиня, несмотря на память тела. Мозги-то у меня остались свои собственные!

Я прошла по комнате, чувствуя, как Клаус следует за мной по пятам, поправила занавеску на окне – сделала красивую складку.

Что делать?

Что делать, что делать! Надо набираться знаний о мире.

А где это можно сделать за невозможностью поговорить с кем-то из автохтонов? Конечно, в библиотеке!

Сидеть на попе ровно и ждать подарка судьбы я никогда не любила. А ещё страдала не в меру излишним любопытством, что в моей профессии, конечно, очень хорошо, а по жизни не то чтобы плохо, но неудобно.

А ещё я плохо умела держать язык за зубами. Поэтому, когда вошла из малой гостиной в большую комнату, а за ней в нечто подобное второму кабинету с секретером и книжными шкафами и увидела нового дворецкого, методично обследующего ящички упомянутого секретера, то сразу ляпнула:

– Нокс, а что вы тут делаете?

Он потерял самообладание всего лишь на долю секунды,

и я поняла это по напрягшимся плечам. Но, когда Нокс повернулся лицом ко мне, выглядел он, как раньше – невозмутимым и чопорным. Ответил медленно и солидно:

– Я проверяю, как слуги делают свою работу, миледи. А вы что подумали?

– А я подумала, что вы роетесь в секретере, – сказала небрежно. Нокс выпрямился, вздёрнул подбородок, хотя вид его остался почтительным. Ответил:

– Что вы, миледи, я просто заметил, что тут пыль не вытерта, а ещё свечной воск на столешнице! Его нужно немедленно убрать, иначе он испортит великолепное лаковое покрытие этого уникального предмета мебелировки девятьсот пятидесятого века!

– Какого века? – вдруг растерялась я, а потом вспомнила, что на дворе 10285 год или где-то в этом районе. Пробормотала: – А, ну да, ну да, конечно...

– Кроме всего прочего, миледи, я был бы вам весьма признателен, если бы вы добавляли к моей фамилии слово «мистер».

И Нокс поклонился мне, хотя и выглядело это как издёвка. Вот как даже? Мне срочно нужен путеводитель по этикету этого мира!

– Хорошо, *мистер* Нокс, – ответила я ему в том же тоне, чему он безумно удивился. – Прошу оставить меня одну.

Видимо, из меня получилась отличная графиня, потому что Нокс с поклоном удалился, практически пятась.

А я подошла к секретеру. Тело моё отозвалось каким-то любовным экстазом, которого я не ощутила ни в кабинете, ни в спальне. Значит, я люблю этот кусок мебели. Или то занятие, которое мне по душе, когда я сижу за ним.

Отодвинув стул, села.

Закрыла глаза.

Позволила телу расслабиться и делать то, что оно привыкло.

И через две минуты обнаружила в пальцах стопку писем. От Мортимера Бейгли, эсквайра.

Как интересно!

Я развернула первое письмо – надушенный цветочным парфюмом квадратик жёлтой бумаги, очень дрянной по виду – и прочитала: «Дорогая моя! Моя сладкая булочка, мой нежный сливочный крем, моя вишенка на навершии пирожного! Пишу вам снова, ибо не могу дождаться того момента, когда снова увижу вас хотя бы издали! Ваши глаза, ваш взгляд – моя отрада. Каждый вечер я засыпаю один в холодной постели с мыслями о вас, просыпаюсь утром с мыслями о вас!»

Брезгливо отбросив письмо, я скривилась. Вот же сука, это графиня! Замужняя женщина, а туда же! Путается с каким-то Мортимером Бейгли, эсквайром!

Аккуратно, двумя пальчиками, я снова взяла письмо, сложила его, как было, и даже прилепила на место оторванную сургучную печать с оттиском герба. Сунула всю пачку обрат-

но в секретер.

Интересно, каким был муж тела, в котором я нахожусь? Красивым или безобразным? Старым, молодым? Наверное, где-то в доме висят его портреты... Надо найти и посмотреть. А ещё как-то узнать, кто это эсквайр Бейгли.

Но сначала...

Я встала и оглядела книжные полки. Томиков было немного, в основном, дамские романы про рыцарей и прекрасных загадочных леди. С удивлением и удовольствием я нашла роман «Мэри Бэйр» и, полистав, убедилась, что это именно та книга, о которой я подумала. Но искала я совсем другое. Чтобы найти нужную книгу, понадобилось почти полчаса. И вот я держу в руках «Настольную книгу юной леди» – настоящее пособие для начинающих хозяек! Беглым взглядом просмотрела содержание. Как содержать большой дом, как высчитать жалование слуг, как обращаться с горничной, как воспитать детей в страхе и смирении, как угождать мужу...

Домострой, ясное дело, но, думаю, кое-что из исторических деталей мне пригодится!

Но не могла же я дефилировать по дому с этой книгой в руках...

Решение нашлось быстро. Я замаскировала «Настольную книгу» между томиком «Мэри Бэйр» и сборником стихов Уинстона Текльбери, сделала приятное лицо и вышла из комнаты через анфиладу гостино-столовых к холлу. К сча-

стью, никто из прислуги мне не встретился, и я безнаказанно протащила пособие для молодых хозяек в свою спальню.

Клаус, который теперь следовал за мной по пятам, сделал правильный выбор: сразу же вскочил на кровать, разлёгся на ней во всю ширь своих сорока пяти килограммов и вытянул морду. Собачья звезда! А вот я решила присесть на подушки, разложенные по широченному подоконнику. На таком читала маленькая Джейн Эйр. Села я с удовольствием и даже книгу раскрыла, а потом подумала, что послеобеденного чая было недостаточно. Я съела всего одну пироженку...

На столике возле кровати стоял колокольчик. Ей-богу, позолоченный колокольчик с фарфоровой ручкой и милым вышитым бантиком! Я взяла его в руку, и он звякнул звонко и требовательно. Я даже испугалась в первый момент, но потом фыркнула сама себе и позвонила, как первоклашка на первое сентября.

Ничего не произошло.

Я пожала плечами и вернулась на подоконник. Эх, была бы тут Лили, я бы послала её за чаем, а так... Придётся обойтись.

Открыв книгу, я углубилась в чтение. Первая же фраза рассмешила: «Главная задача любой леди – сделать всех в доме счастливыми!» Вторая фраза заставила шлёпнуть ладонью по лбу: «Предназначение женщины – это служить своему мужу и своим детям, отказывая себе во всём, в чём нет необходимости, а главное – быть хранительницей домашне-

го очага, доброй, ласковой и податливой с мужем, строгой с детьми и слугами».

Нет, серьёзно?

Служить другим и отказывать себе? Забыть о своих потребностях, лишь бы остальным было хорошо?

Я не спорю, альтруизм – это прекрасное качество, но как же любовь к себе, без которой, как и без самоуважения, никто не примет тебя всерьёз?

Я покачала головой, отложив книгу. Лучше было бы вообще её сжечь на костре, как и половину всех книг в библиотеке, но пока мне нужно узнать всё про быт и уклад в этом мире. Даже если нравы мне не по душе...

В дверь деликатно постучали. Я вскинулась. Служанка, что ли? Услышала мой колокольчик? Крикнув: «Войдите!», я ожидала увидеть одну из молоденьких горничных, но в спальню вошёл Нокс.

В руках у него был поднос с дымящейся чашкой и тарелочкой пирожных.

Да, всё же этот мужчина знает, как и чем завоевать сердце женщины!

– Миледи, – сказал он и замолчал, застыв у порога.

Чего молчит? Указаний ждёт, что ли? Я осторожно кивнула:

– Поставьте на столик, пожалуйста.

Нокс выдохнул. На его лице промелькнуло выражение облегчения. Я старательно скрыла улыбку, но мне действительно

но было смешно: он был не уверен, что поступил правильно.

Дворецкий донёс поднос до столика и беззвучно поставил его. Аккуратно придерживав салфеткой, налил из фарфорового чайника в чашку заварку, разбавил её водой из металлического чайника. Затем добавил в чай сливки из сливочника и принёс мне блюдце с чашкой. С поклоном, с ума сойти!

– Спасибо, – пробормотала я, принимая подношение. – Вы очень любезны.

– Миледи, – с новым поклоном ответил Нокс. – Я хотел выразить вам свои глубочайшие соболезнования по поводу кончины вашего уважаемого супруга.

Ха!

Супруга, которого я даже не знала!

Секунды три я думала: изобразить ли на лице великую скорбь, а потом решила, что не стоит играть роль, которую мне навязали. Ну помер человек, мне-то что?

– Спасибо, – повторила и взялась за ручку чашки. А потом подумала: если бы на месте Нокса был полицейский, меня бы заподозрили в убийстве мужа, ибо не скорбила... Глянула быстро на дворецкого. Он быстро отвёл взгляд и сказал:

– К вам желает пройти миссис Хопкинс, экономка.

– Просите, – велела я. – И принесите вторую чашку.

– Сию минуту, миледи.

Он снова поклонился и вышел. Я вздохнула. Ну зачем так много кланяться? Нормально ж общались!

Почему нельзя просто по-человечески поговорить?

В спальню зашла пожилая дама. Кутаясь в шаль, склонила голову, сказала внушительно:

– Леди Маргарет, вы желали поговорить.

– Да, миссис Хопкинс, присаживайтесь.

Я указала ей на стул возле туалетного столика. Миссис Хопкинс степенно прошла в комнату и устроилась на стуле, тщательно расправив складки платья на коленях. Она производила впечатление женщины основательной, которая знает, чего хочет, и не говорит без нужды. Поэтому я спросила сразу по делу:

– Скажите мне, пожалуйста, каким человеком был дворецкий мистер Фалкинс?

– Прохвост и ходок, – припечатала его миссис Хопкинс. Словно бабочку приколола булавкой к пробковой доске. И сразу всё понятно стало.

– А как же его наняли в такой... хороший дом? – спросила осторожно.

– Я точно не знаю, посему говорить ничего не буду.

– Миссис Хопкинс...

– Ваш покойный супруг был человеком острого ума, но иногда я не понимала его решений.

Экономка поджала губы в тонкую ниточку. Когда-то она, вероятно, была довольно симпатичной, но постарела очень некрасиво. Ей бы отбеливающий крем, да крем против морщин...

– Хорошо. Заигрывал ли Фалкинс с Лили Брайтон?

– Ох! Мисс Брайтон ведь ваша дальняя родственница, леди Маргарет! Это девушка с безупречными манерами! Вам не с руки подозревать её во всяких гадостях!

Миссис Хопкинс казалась почти оскорблённой. Что ж, значит, Лили моя дальняя родня. А безупречные манеры никому и никогда не мешали сговориться с сообщником и провернуть кражу.

– А как вы думаете, миссис Хопкинс, кто мог обокрасть меня?

– Боюсь ошибиться, но... У Лизбет мать очень тяжело болеет. Возможно, понадобилось много денег.

– Лизбет?

– Младшая горничная.

Младшая горничная, значит... Я только вздохнула.

Вошёл Нокс со второй чашкой. Глядя, как он ставит её на поднос, спросила:

– Миссис Хопкинс, выпьете со мной чаю?

Милая старушка побледнела, покраснела, потом сказала с запинкой:

– Леди Маргарет, если позволите... Я не пью чай на ночь.

– Ну что ж. Как хотите. Позовите сюда Лизбет, пожалуйста.

Она встала, церемонно склонила голову и вышла. Нокс остался. Я глянула на него с удивлением. Дворецкий сказал:

– Не думаю, что это младшая горничная, миледи. Ей не продать коллекцию артефактов и ваши украшения.

– Отличный вывод, спасибо, – съязвила я. – А как же Фалкинс? Уж он-то сможет продать всё, что угодно.

– Тогда нужно подтвердить преступный сговор между бывшим дворецким и горничной.

Нокс говорил спокойно и уверенно. На мгновение мне показалось, что передо мной полицейский, но я решительно отменила эту мысль. Видела я полицейских в этом мире. Тупенькие и ограниченные.

– Раз вы такой умный, мистер Нокс, вы и подтвердите, – ответила уже серьёзно. Он поднял брови, но ничего не сказал, только поклонился.

– Чаю выпьете со мной? – фыркнула. Улыбка промелькнула на его лице, но Нокс сказал сдержанно:

– Благодарю вас за приглашение, но у меня много дел. С вашего позволения, миледи.

Пф! Ну и не надо. И не больно-то хотелось. Вот честно! Всё равно это не мой мир, не моё тело, не моя жизнь. На Нокса у меня нет никаких прав, и даже желаний возникать не должно.

Хоть и очень хочется.

Так, что мы имеем?

А имеем мы полный дом баб, которые все потенциально могли вступить в преступный сговор с бывшим дворецким и сделать слепки ключей. И одна из них теперь кусает локти, потому что Фалкинс наверняка наобещал ей с три короба и исчез вместе с сокровищами.

На это и нужно давить в разговоре с каждой из служанок.

В дверь постучали. Вошла одна из горничных – та, что помладше, совсем некрасивая. Она неуклюже присела в книксене и спросила робко:

– Миледи вызывали?

– Вызывала.

Я встала, прошлась по комнате. При этом искоса поглядывала на девушку. Та торчала на полу, не решаясь вступить на ковёр, скромно сложив руки на переднике. Я заметила, что пальцы её дрожат, цепляясь друг за друга.

Нервничает?

Ты нервничаешь, Цезарь, значит, ты не прав.

– Лизбет, я слышала, что у вас болеет мама.

Горничная вздрогнула и бросила на меня удивлённый взгляд, потом снова опустила его и пробормотала:

– Да, мэм, болеет.

– Если вам нужны деньги на лечение, я вам помогу.

Надеюсь, я не сказала это слишком вкрадчивым голосом.

В этом теле пока научилась только не визжать, а остальные тональности нужно ещё потренировать. Лизбет шмыгнула носом – я услышала отчётливый звук – и вдруг упала на колени, сложив руки в умоляющем жесте, протянула:

– Миледи, я каждый день буду молиться всемогущей богине за ваше здоровье, если вы мне поможете!

– Благодарю вас, Лизбет, скажите мне, какую сумму вам нужно для мамы?

– Миледи слишком добра! – пробормотала девушка, снова теребя пальцами передник, но так и не встав с коленей. Я не могла больше видеть этого и велела:

– Встаньте. Скажите, сколько вам надо. Вы ведь работаете на меня уже давно?

– Два года, миледи.

– И зарекомендовали себя с самой лучшей стороны.

– Очень на это надеюсь, миледи.

– Значит, сколько надо?

– Двадцать фунтов, миледи.

Не она. Одни гагаты тянули на восемьсот фунтов, а ей нужно двадцать...

– Хорошо, завтра я дам вам пятьдесят фунтов, чтобы хватило и на лечение, и на реаби... На хорошую еду, медсестру и так далее.

Я отвернулась к окну и услышала тихий голос Лизбет:

– Миледи очень добра, благодарю вас!

– Ничего, это в порядке вещей, – отмахнулась. И снова тихий шелест, словно девушка опасалась ушей в стенах:

– Вы просили сообщить... Про мистера Фалкинса... Миледи, никто не знает, а я видела украдкой, как он несколько раз шептался с Бертой по углам.

– Кто такая Берта?! – я резко повернулась и уставилась на Лизбет пытливым взглядом: – Что значит: шептался?

Девушка покраснела, залившись краской до самого чепчика, и прошептала:

– Что они там ещё делали вдвоём, я не могу вам сказать, миледи, ибо про такое не говорят, но точно знаю, что больше никто не видел этого. Мистер Фалкинс с Бертой уединялись в дальних углах, и выходили очень быстро. А Берта – это старшая горничная, миледи.

– Значит, Берта... – пробормотала я, вызывая в памяти образ женщины средних лет. У неё были кудрявые волосы под белым чепчиком горничной, очень полные губы и красноватый нос. Нос пьющего человека. – А позовите-ка мне Берту прямо сейчас!

– Да, мэ, – с некоторой опаской ответила Лизбет. – Я могу умолять вас не выдавать меня?

– Разумеется, я вас не выдам. Идите же!

Она выскользнула в дверь, а я раздражённо взялась за чашку, отпила глоток остывшего чая. С молоком. Гадость какая... Никогда не понимала интереса пить чай с молоком. Но, наверное, придётся привыкать. Надеюсь, я здесь ненадолго.

Сделала ещё глоток и поставила чашку обратно. Значит, Фалкинс и Берта были любовниками. А если нет – то просто сообщниками. Значит, это они свистнули мои, то есть, графинины побрякушки. Значит, нужно сдать Берту полиции, пусть вернут мне Лили Брайтон и выбьют из старшей горничной показания, где может скрываться Фалкинс.

Дело в шляпе!

Я сама раскрыла его. Безо всяких полицейских.

Кто молодец? Я молодец!

За дверью слышалась суета и быстрые шаги. Даже Клаус насторожился, поднял голову, вопросительно глядя на меня. Я сказала собаке:

– Походу, что-то случилось.

И открыла дверь в коридор, позвала:

– Кто-нибудь, что происходит?

Вторая горничная, совсем некрасивая девушка, почти подросток, неуклюже присела в книксене на бегу и пролепетала:

– Простите, миледи, мы не можем найти Берту!

– Как это? Она что, исчезла?

– Как есть исчезла, мэм!

– Может, по делам пошла?

– Так дела у неё все тут, в поместье!

Я нахмурилась. Берта подалась в бега? Отлично, теперь я точно знаю, что она виновна.

– Вызовите полицию! – бросила резко. – Немедленно!

По лестнице уже спешил Нокс, и это он отослал горничную движением руки, сказал:

– Я уже взял на себя смелость послать лакея за инспектором Генри, миледи. Желаете, чтобы мы организовали поиски в поместье?

– Желаю, – согласилась я. – Хотя... У меня же есть Клаус!

– Розыскная собака? – заинтересовался Нокс, глянув на вышеупомянутого пса, который высунулся в коридор вслед

за мной. – А кто его дрессировал?

– Я сама, – ответила гордо и погладила пса по голове.

– Что ж, давайте попробуем, – с лёгким поклоном ответил Нокс, и в глазах его блеснуло нечто.

Как будто любопытство. И не к способностям Клауса, а ко мне.

Глава 5. Убийца дворецкий?

Вещи Берты исчезли вместе с ней.

На чердачном третьем этаже в каморке старшей горничной стояли кровать и шкаф, а также столик для умывания. Но шкаф был пуст. Не было и сундучка, который, как сказала экономка, Берта принесла с собой, когда устроилась в Уирчистер-холл. Остались только паутина по углам да огарки свечей, прилепленные к столешнице.

Даже если до этого момента меня грыз червячок сомнений – не убирается ли Берта в каких-нибудь дальних комнатах, теперь стало ясно, что старшая горничная сделала ноги. И этот факт только подтвердил её вину. Вместе с Фалкинсом или без него, Берта украла драгоценности и артефакты.

– Как же теперь мы пустим собаку по следу? – озадачился Нокс. Я поджала губы и откинула лоскутное одеяло, покрывавшее кровать Берты. Постель она не меняла. Значит, простыни пропахли этой воровкой. Я схватила подушку и сказала Клаусу, который уже сунулся мокрым носом во все углы:

– Клаус, нюхай!

«Нюхай» и «ищи» – две любимые команды Клауса, конечно, после «ешь». Когда он был моложе и бестолковее, услышав приказ нюхать, начинал обнюхивать всё подряд. Это было смешно, но контрпродуктивно. И я принялась всерьёз учить его поиску.

Зато теперь мой хороший мальчик деловито прижал нос к подушке и несколько раз шумно вдохнул. А я сказала:

– Ищи!

Клаус завилял хвостом и бросился вон из комнаты с низко опущенной головой. Мы, толкаясь в дверях, ломанулись за ним. Нокс опомнился и галантно пропустил меня вперёд, и я подобрала юбку, чтобы не скатиться по ступенькам вниз головой, наступив на подол.

Лабрадора мы нашли на втором этаже. Он искал, мечась то в одну сторону галереи, то в другую. Ясно, что следы Берты повсюду. Я переживала, сможет ли Клаус найти свежий след, свежайший, но переживала напрасно. С вдохновлённой мордой мой прекрасный пёс определился с направлением и сбежал на первый этаж. Через холл не пошёл, а сел перед закрытой дверью – маленькой, незаметной, чуть ли не в половину человеческого роста.

Нокс подёргал за ручку, но дверь оказалась запертой. Дворецкий осмотрел замок, затем начал невозмутимо перебирать ключи, висевшие на связке, которую он выудил из-за пояса. Мы с Клаусом нетерпеливо перебирали ногами и лапами. Однако в этом мире в эту эпоху спешка была нужна только при ловле блох. Нокс наконец нашёл подходящий ключ и отпер дверь. Когда открыл её, на нас пахнуло сыростью и затхлым подвалом. Но в подвал дверь не вела.

– Свечу! – бросил Нокс горничной, и та метнулась в холл, притащила горящую свечу в латунном подсвечнике. – Подо-

ждите меня здесь, миледи, не стоит вам...

– Стоит, – решительно сказала я и двинулась за ним в каменный коридор. Клаус уже скрылся за пределами круга света, который давала одинокая свеча, и я слышала только глухой топоток его лап по полу, выложенному старинной плиткой.

Мне стало не по себе. А вдруг тут привидения? Ведь это всё же классическое английское поместье, даже если тут не настоящая Англия! А в старинных домах всегда водятся призраки, гремящие цепью по ночам!

Громкий лай Клауса, его визг и скулёж напугали меня. Оттолкнув Нокса с дороги, я бросилась вперёд, в темноту коридора...

И наткнулась на какое-то препятствие. Сама завизжала, но меня тут же схватили за плечи сзади, прошептали горячо:

– Леди Маргарет, тише!

Нокс!

Я тут же замолчала, закрыв рот ладонью. Дворецкий ощутил невидимое препятствие и фыркнул себе под нос:

– Неумно, очень неумно!

– Что это? – спросила шёпотом, отняв руку. Нокс оглянулся на меня с улыбкой:

– А вы не знаете, миледи?

– Понятия не имею, – сказала я и испугалась. А вдруг это что-то страшное? Нокс хмыкнул и вытащил из кармана маленький голыш размером с рубль, ткнул камешком в барьер,

отделявший нас от Клауса, который был в конце коридора. Я ждала, что проход освободится, что пелена спадёт и я смогу идти дальше. Но не ожидала, что всё случится так странно.

Невидимая преграда вдруг стала видимой – как будто сетка рыболовная появилась из ниоткуда. И эта сетка набросилась на Нокса, обхватила его со всех сторон и начала кутать, как в кокон. Я воскликнула:

– Вам нужна помощь?

– Нет, идите дальше, миледи, я справлюсь! – абсолютно спокойным голосом ответил Нокс.

Ну, ладно, раз справится... Надо бежать на помощь Клаусу!

Я подхватила свечу и бросилась в темноту коридора, выхватывая светлым кругом то пол, то стены. Крикнула:

– Клаус!

Но пёс молчал.

А коридор всё не заканчивался!

И Нокс пыхтел сзади слишком отчаянно...

А у меня только свечка в руке. Правда, подсвечник тяжёлый, но я слабая женщина! А там, впереди, неизвестно кто. Или что...

О том, как невидимую преграду можно открыть простым камешком, я подумаю после. Когда спасу Клауса.

В конце коридора оказалась маленькая комната без окон и с одной дверью. В комнате лежал чёрной грудой мой бедный Клаус, из пасти которого торчал клочок ткани, а рядом

с собакой лежало тело женщины средних лет. Той самой, которую звали Берта.

И из её груди торчал нож.

Я бросилась к Берте, упала на колени перед ней и попыталась нащупать жилку на шее. Пульс был! Живая! Да, она дышит – рвано, хрипло, но дышит. Надо врача... Скорую... Господи, какую скорую?! Я и забыла на несколько секунд, где я и в чьём теле!

– Берта, Берта! – я встряхнула её осторожно, и женщина открыла глаза. Схватила за мою руку, слабо стиснула ладонь:

– Гад, гад...

– Кто? Фалкинс?

– Гад... мой муж!

– Это он вас ножом?

– Да...

– Где он? Куда убежал?

Она мотнула головой, закашлялась, заскребла пальцами по груди:

– Уберите это... Уберите!

– Нельзя вытаскивать нож, нельзя, – я попыталась помешать Берте, но женщина с хриплым стоном вцепилась в рукоять ножа и вырвала его из груди.

Я отшатнулась, потом принялась зажимать рану ладонями, надавливая, как нас учили на курсах спасателей, но было поздно. Меня обдало фонтаном крови, а Берта обмякла,

выдохнула и, дёрнувшись несколько раз, умерла.

Плюхнувшись на каменный пол, я судорожно отползла к Клаусу, глядя на свои окровавленные руки. Да что ж такое? Зачем она это сделала? Ведь я сказала, что нельзя...

– Миледи? Зачем вы зарезали Берту?

Спокойный голос Нокса заставил меня вздрогнуть и посмотреть на него диким взглядом.

– Это не я! – ответила. Голос мой дрожал, понятно почему. Я никогда ещё не видела даже холодный труп, а тут человек умер прямо у меня на глазах! И Клаус... Клауса убили... Моего Клауса!

Готовая зарыдать, я повернулась к собаке и затормошила её. Но Клаус не отозвался, не вскочил и даже не пошевелился. Я протянула тоскливо:

– Они убили Клауса!

Нокс деликатно кашлянул:

– Ваша собака спит.

– Спит? – присмотрелась к Клаусу и заметила, как ровно он дышит. – Как можно усыпить собаку без снотворного?

– Вероятно, в коллекции артефактов миледи был сонный камень, – усмехнулся Нокс. – Но вы, разумеется, этого не знали.

– Я знала, – поспешно возразила. – Но забыла! Я не могу упомянуть все камни из моей коллекции!

– Как миледи будет угодно, – с лёгким поклоном сказал Нокс, но я была уверена, что он при этом скрыл улыбку. Ох,

мне надо прекратить ляпать всякую фигню, иначе я быстро проколюсь! А Нокс указал на бездыханное тело:

– Если это не вы ударили Берту ножом, то кто это был?

– Я не знаю. Я нашла её с ножом в груди! Но она была ещё жива!

– Значит, кто-то проткнул её и сбежал. А нож вытащили вы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.